

ГАЛИНА
ХЕРИССОН

НЕ ПРО
ЗАЕК

Издательство
ПЛАНЖ

Галина Хериссон

Не про заек

Роман

Издательство
ПЛАНЖ

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6
Х39

Не про заек/Галина Хериссон; Москва: Издательство ПЛАНЖ,
2020 – 224 с.

ISBN 978-5-6040912-3-4

Роман «Не про заек» — это книга для тех, кто хочет уехать. Тонкая, честная история эмиграции и поисков себя, которая начинается столь всем знакомой среднерусской тоской, развивается на столь незнакомой Рю де ля Помп, и завершается хорошо, хотя иногда это неочевидно.

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6
Х39

© Галина Хериссон, 2020
© Galina Herisson, 2020
© Издательство «ПЛАНЖ», 2020
ISBN 978-5-6040912-3-4

«Нелегко продолжать, я погружаюсь в воспоминания, и в то же время мне хочется от них уйти, я записываю их так, будто заклинаю себя от них (но тогда придётся собрать их все до единого, вот в чем все дело). Нелегко начать рассказ из ничего, из тумана, из разрозненных во времени моментов. Не помню, каким образом мне удалось вспомнить этот разговор. Но всё было именно так, я записываю, слыша этот диалог, а может, я его выдумываю, а потом копирую, или копирую, выдумывая. Надо бы поинтересоваться, может, как раз это и есть литература».

Хулио Кортасар
«Рассказ из дневниковых записей»

Оглавление

Часть первая. Встречи.....	5
Часть вторая. Письма.....	117

К читателю

Это не про заек... Я художник, а не прозаик!

Эта песня для тех заек,

Что читают вдумчиво и сурово,

Теребя по-собачьи слово,

Словно тапок,

И каждый миг

Раз — с десяток лет пролетит.

Я пишу, путешествую снова...

Часть первая. Встречи.

Парк Монсо

Я не знаю, почему начала общаться с ней. Хотелось поддержать. Встретились мы лет десять или больше назад, в самом начале её приезда во Францию и моего надвигающегося отъезда в Азию. У меня тогда было много дел в Париже, в семнадцатом округе. После Сорбонны я любила погулять в парке Монсо. Ресторанчики вокруг были неплохи, но иногда я просто брала сэндвич и перекусывала на травке. Тут, в Монсо, знаете, такие газоны, огромные деревья... У меня была тогда короткая стрижка и вера в будущее. Собака и желание новизны.

Встретились мы с Лизой в том самом парке Монсо, практически на газоне. Она пыталась активно практиковать свой французский, свежезаученные фразы. Я курила тогда, а Лиза просто попросила сигаретку. Я расслышала знакомый акцент, такой же был у бабушки со стороны отца. Разговорились, но больше на английском. Французский её был пока очень скромн.

Я дала ей свой тогдашний номер, но мы редко встречались. Во-первых, я была ужасно занята и сама ей не звонила. А у Лизы сначала вообще не было телефона,

потом появился, но на нём не было «кредита». Потом этот мой номер пропал — в Азии я сменила оператора. Мы виделись с ней редко, пару раз на её скромных выставках. Я купила две её небольшие работы...

Хорошо, что обменялись мэйлом. Поначалу, когда мы виделись раза три-четыре, она рассказывала мне, что и как. Ну а впоследствии уже писала какое-то время. То есть скорее писала она себе. Присылала отрывки, зарисовки. Книжку мечтала написать... В общем, я как-то совершенно потеряла её из виду. А тут — мессаж.

Я не чувствовала, что чем-то Лизе обязана, что было в моих силах — сделала. Да и чем бы я могла ей помочь? Принято считать, что «русские эмигранты» как-то помогают друг другу. Но какая же я русская, седьмая вода на киселе... Да и мой отец, несмотря на своих русских родителей, уже давно офранцузился, ему было плевать... Впрочем, стоп, я не об этом! Читайте сами.

* * *

«Страны, города, поезда, автостоянки, дороги, бензоколонки, дамы, господа, шофёры, растаманы, скептики, лыжники, португальские строители, польские шлюхи (pardon), злые молочники, добрые функционеры, бывшие советские рабочие, настоящие европейские домохозяйки, жареная картошка, холодные сосиски, сдвинутые для ночлега стулья в затерянном немецком кафе. И всё это — за тысячи километров от предполагаемого дома. От небольшого кружочка на земном шаре... Где я? Так ли уж важно. Ведь уносит не только за тыщи километров, но и на годы назад, на недели вперёд, в прошлую пятницу, в позапрошлый Новый год и в будущий день рождения. В задорные клубы, за барные стойки, на парижские крыши, в долины Луары, за Уральские горы...

В общем — писать! Не беспокойтесь, ma chère Galina, постараюсь взять себя в руки. Хотя вам не обязательно оставаться в вашем удобном кресле, или на кухонном табурете, или в уборной, чтобы закончить это странное чтение, эту писанину, которая рискует попасть в тот самый горшок в последнем из предполагаемых мною ваших расположений. Да и не нужно мне ваше расположение. Бросьте всё это в камин (если, конечно, он у вас есть)! Вы и сами великие фантазёры и путешественники... Впрочем, есть надежда на наиболее любопытных, либо терпеливых, либо необъективных (уж очень надеюсь на необъективных), кто возьмётся прочесть до конца...

Чтиво. О, это — не книга, нет, не берусь назвать это — книгой. Примите лишь во внимание моё ино-странное пре-бывание: волей-неволей сыграешь в слова. Словом, решайте сам, с чего начать, главы уж не имеют значения — выбирайте любую!

Так вот, о туалетных фантазиях... Бывают ещё и ваннные фантазии, и вы не станете этого отрицать. Нет ничего лучше этих гигиенических упражнений. Для извержения того, что должно быть извергнуто: из мочевого пузыря, пор кожи, фибр души, серых клеток мозга и глубин сердца.

Ванна наполняется, и уже пятки опущены в горячую воду. И пузырьки воздуха поднимаются вдоль хребта и щекочат. Вода течёт и пенится, омывая засохшее и растрёпанное тело, которое опускается на дно, самое дно. И вода заполняет вас и выпивает вас до самого дна. До самого дна вашего существа. И вас уже нет почти.

Пена. Сгустки образуют материки, которые расплываются в океане Вас, как им только заблагорассудится. Внизу кто-то играет вальс. И

неважно, что это только урок пианино по средам, ведь для вас теперь — это музыка Вселенной. А Ваше Тело — само материк, который разверзается, и океан омывает вас внутри и снаружи, выталкивая всё, что есть в вас вредного. И всё обращается в Свет и в Тьму.

Здесь вспомнится всё. Даже общественная баня в России ранних восьмидесятых. Вспомнятся деревянные скамейки и цинковые тазы, в которых доводилось вам сидеть, погружённым в горячую воду до пупа по соседству с братом. И теперь, спустя четверть века, лёжа в ванной, вытягивая носочки как балерина (вы не пробовали? Все движения удаются легко в этом розово-душистом озере!), в этом волшебном чреве, из которого вы родитесь, когда вам этого захочется...

О шанс! О удача, если во французском доме окажется ванная. Мне несказанно повезло! Европейцы экономят воду и, безусловно, правы. Но я готова отдать в жертву десятки и сотни литров воды, чтобы писать и писать и извергать всё, что было emprisoné¹ за решёткой рёбер, за перегородками глазниц...»

Цветочки

«Я всегда была романтической дурой. И делить мне эту романтическую дурь было не с кем. Поэтому во Францию я поехала одна...

Осень началась как-то очень нежно и незаметно. Осень, тот сентябрь в Париже. Я просто посмотрела на часы, а там — осень... На два часа позже, чем в Москве. Нет, здесь лето на два часа длиннее. Оно было невероятно быстрым, это лето. Но началось оно словно в прошлой жизни. Пусть Париж мне подарит

1 Посажено в тюрьму

ещё два часа, я не против.

Дыхание улиц, дыхание Христо. Я слышу, как меняется рекламная картинка на уличном баннере, похоже на монотонный храп. Забавно... Хсс, хсс... (сентябрь 2005, рю де ля Помп)»

* * *

На следующий день:

«Я стала забывать русский язык. Пусть это будет в пользу французского. Говорю теперь на странной смеси англо-русского, стараясь добавлять всё больше французских словечек. Прежде думалось, что будет легче с языком... Нет, с английским все ОК, лучше, чем прежде, а вот с французским... У меня теперь странные взаимоотношения с французским, с французами и с Францией. Впрочем, все по порядку.

Да, забыла вам представить моего друга. Это — Христо, но он сейчас на работе. Он придёт вечером, принеся на себе пыль Парижа, ржавчину с лодки и кучу еды... Воп².»

* * *

Всё началось в тот вечер с Les Hurlements d'Leo. Как перевести это? «Рычание льва»? «Вопли Лео»? Тогда её это мало заботило. Был конец января, Питер, «Бартанга», как обычно. Она зашла туда поесть, поболтать. Была не в лучшем расположении духа. Ребята вытащили на концерт французов Les Hurlements d'Leo. Было весело. Потом был коньяк на морозных питерских улицах. Ночь. Клуб «Молоко». Ничего особенного.

Потом она вспомнила, что слышала эту французскую группу раньше...

Один друг, Алекс, все уши прожужжал про то, как здорово можно поехать «стопом» в Европу. Что у него куча знакомых, которые там всю катаются. Что сам он, Алекс, собирается. Но Лизу отчего-то не позвал. Наверное, потому что любовь прошла...

Зимняя полудепрессия. Книжки, сны, ожидания.

* * *

Как-то шла по Рубинштейна и неожиданно решила свернуть к цветочному магазинчику напротив «Тётушки Молли». Знаете, там ещё такой огромный тюльпан на кронштейне?

«Цветочки». Её взяли на работу. Чистить розы, делать букеты... Букеты, цветочный дизайн, оформления.

В апреле оформляли презентацию одного журнала в ресторане. Красные цветы на белом. Антуриумы, анемоны, гвоздики. И много маленьких розочек в шляпке-колоколе, самодельной сумочке из проволоки, браслетах и на бархатно атласном чёрно-красном платье, взятом, разумеется, напрокат. Лиза тогда красила волосы в чёрный цвет и носила каре с короткой чёлкой.

Лиза блистала. Она была звездой. Звездой а la *décadence*. Джаз, фальшивые улыбки, сигареты в мундштуках, закуски а la *russe* и много водки.

Фотографы предлагали ей работу. А она была в роли, улыбалась направо и налево, не забывая раздавать визитки, угощаться и элегантно курить. Когда она покидала это заведение с большим красным цветком в руке, секьюрити сказали, что она — лучшая.

Она вышла на канал Грибоедова одна, весёлая, немного пьяная, глупо улыбаясь и разбрасывая оставшиеся визитки салона «Цветочки». Это было начало.

Начало чего? Ей хотелось говорить со всеми. С прохожими, с мостами, с улицами. Она еле сдерживалась...

К счастью, сумасшедшей с огромным красным цветком в руках, шедшей среди ночи по Невскому, встретился старый приятель. Они не виделись, наверное, со школы, но теперь поболтали и только. Так всегда бывает:

— Надо бы встретиться, звони.

— Да, конечно. Счастливо.

Больше они не виделись...

Она шла в сторону клуба «Дача». Там всегда есть чем поживиться. Там было шумно и жарко, как в бане. Пятница. Куча знакомых. Кресла на улице, блеск стаканов и улыбок в многочисленных группках людей, говорящих на всевозможных языках. Говорящих о чём угодно. Говорящих по телефонам последних моделей. Glamour.

Кто-то позвонил. Приглашали на другую вечеринку. Она ушла, решив вернуться непременно в другой день. Да, конечно. В воскресенье. Прекрасно. Слишком хороша сегодня в этом платье. Съедят...

Из полей к Экзюпери

Непонятно, где конец, а где — середина. Иду по полю в темноте. Бегу.

Всё перемешалось. Листья с землёй, красное с белым. Где дом? Кто дома? Кто-нибудь ждёт? Я сделала пару тысяч километров. Я смогла! И почти без увечий. А тот тип — вечно увечный. Вечно увечные типы на машинах. Я плачу. Я оплакиваю их.

Жан! Жан, где ты? Прости меня! Кричу. Иду по полю, по грязи. Кругом кукуруза огромная. Где свет? Где дорога? Одни колдобины да пашни. Вот дом выскочил из темноты, а из него – белобрысая тётка с беременным пузом и немецким акцентом:

- Get out!
- Please, help me!
- Get out! I'll call the police!
- Yes, that's I need!³

Я не хочу, не могу здесь ждать! Прочь, прочь отсюда! Я выберусь на дорогу, к людям. Сквозь чужие вишни и яблони. Я уже почти здесь...

Вот уже и дорога за обочиной, и неважно, куда.

Я – посреди дороги, раскинув руки, неважно, в какую сторону, лишь бы остановились!

Женщина-блондинка тормозит.

- Do you speak English?
- Да, но у меня – дети.
- Пожалуйста, отвезите в Гренобль (хотя я даже не знаю точно, где я)!
- Садитесь. Что случилось?
- Не могу. Это ужасно! Мне плохо... Один человек...
- Успокойтесь. Я отвезу вас, но только до... Расскажите всё сами... Ведь у меня – дети! Я не могу остаться.

Не знаю, сколько времени мы ехали, наверное, недолго...

³ Убирайся! – Пожалуйста, помогите мне! – Убирайся, я в полицию позвоню! – Мне это и нужно!

Оказались в аэропорту Сент-Экзюпери. Вот откуда всё время взлетали самолёты, пока он прижимал меня к земле...

Машина «вежливо» остановилась напротив дверей комиссариата.

— Идите! *Bon courage*. Расскажите всё сами. Им. У меня нет времени. У меня — дети!

Спасибо. Моральная оплеуха.

Одна идти не захотела. Туда? Зачем всё это? Мне надо домой! Мне надо... Хоть куда-нибудь. Мне нужно в Гренобль! Чем мне поможет полиция? Испортить мне каникулы?

Зашла в аэропорт, совсем маленький. Жёлтые пластиковые кресла. Люди с сумками дремлют до завтра. Который час? Вижу стоянку такси. Спрашиваю мужчину в белом. Он находит мне машину. Но говорит прежде:

— Это дорого, дождитесь утра, будет поезд до Гренобля.

— Нет, мне надо сейчас. Я не могу больше! Я хочу домой, к Жану...

* * *

С Жаном познакомились тогда, в «Даче». Мы стояли в очереди в туалет, он сказал, что саксофонист... Неплохо говорил по-русски. Шатались по ночному Питеру, по мостам.

La Lune, les pigeons, les crêpes⁴...

Накупил книжек русских.

— Давай я к тебе приеду, Жан! На каникулы, а?

4 Луна, голуби, блины

– Валяй.

До Франции далеко. Пять насыщенных месяцев: цветочки, поезда, дом-работа, словари французские, письма, краски, фрески, паспорта, очереди, звонки, посольства, банки, фальшивые бумажки, ложь. Потерянные рассказы, гроза, Москва, визы, звёзды...

Питерская

Тем последним питерским её летом всё было замечательно: Лиза писала фреску с пейзажем по ночам. Её закрывали снаружи, в офисе. Она пользовалась холодильником (еда, бренди) и писала до утра, просыпаясь на диване за полчаса до прихода служащих. Дремала где-нибудь до вечера – и снова в офис. Когда заказ подходил к концу – был день Бастилии, середина июля. Вот – Свобода! Пошла на пляж Петропавловки. Ночью уже почти всех пускали. Пары, пары, моряки в лодках. Один, не вспомнить, как звали, был симпатичный. Предлагали отвезти на нужный берег, но она осталась на полуострове – Спасибо, мне и здесь хорошо! – одна гуляла до рассвета. Пришлось ждать свода мостов в утренней прохладе среди припозднившихся единомышленников.

Что за чудо – небо розовое! Вот тогда была рада, очень рада! Пространство. Воздух свежий над рекой. Улицы пусты и чисты. Не впервой пешком до Техноложки...

Уж сколько было хожено: с Пяти углов на Староневский. Через Невский и Дворцовую на Петроградскую. С Петроградской через мосты к Пяти углам. С Владимирской по Литейному к Дворцу Юрьевской.

* * *

Недалеко от Техноложки был её сквот — бывший театр «Перекрёсток». Там они жили несколько месяцев весьма пёстрой компанией, платя мзду бывшему директору театра. Тот, в свою очередь, платил мзду чиновникам, которые закрывали глаза на «непотребство». Художники, скульпторы, музыканты, да и просто иногда алкаши ошивались тут, общались, спали, пили, работали, творили и чудили. Зарабатывали в этих старинных помещениях с высокими потолками только рекламщики. Они печатали тут свои баннеры. Помимо высоких потолков и готических окон, от атмосферного театрального антуража тут был какой-то старый реквизит, облюбованный художниками: пыльные мятые костюмы бог знает каких персонажей, старый чёрный рояль и подвешенные к потолку плотными тросами качели, излюбленные всеми гостями сквота. То бишь мастерских. В этих мастерских Лиза и сотоварищи творили чудеса из гипса: делали слепки с собственных обнажённых тел, а однажды, на заказ того самого цветочного магазина, отлили пять дорических колонн для какого-то крутого приёма в Юсуповском дворце.

Работа была адская: днём — с цветами в бутике по десять часов, а ночью — с гипсом под руководством полусумасшедшего лепщика Димы. Почти и не заработали ничего: доставка тяжёлых мешков гипса стоила дороже самого гипса! И пойдёшь объясни это скупердьям-флористам. И объясни — почему днём в магазине ты валишься с ног, зеваешь и то и дело отлучаешься в подсобку выпить кофе... Впрочем, не только из-за этих гипсовых «экспириенсов». Правду сказать, Лиза в тот период нередко зависала в незабвенном (не существующем ныне) клубе

«Молоко». И ночевала на чёрных кожаных диванах, припозднившись после очередного концерта, на который приглашалась по спискам со всей весёлой компанией «Бартанги»...

А с Петроградской один раз шла пешком. Ночью в начале марта, по мостам через Неву и вьюгу. Подхватила бронхит и кашляла месяц. Её задержали тогда вместе с непутёвым дружкой Костиком за «отсутствие регистрации». Промурыжили пару часов в Петроградском отделении милиции и часа в три утра сказали:

— Вали в свой Мухосранск!

— Ребят! — взмолилась Лиза, — Ну давайте я хоть до первого троллейбуса посижу тут у вас?

Ответ буквально приводить не буду. Неприлично. Но отчим Костика, сильно недолюбливающий Лизу, сказал ментам по телефону:

— Этого малолетнего придурка подержите в обезьяннике до завтра, пусть ума наберётся. А красноволосая курица пусть валит...

* * *

На Пяти углах была её коммуналка с татуировщиками. Других весьма живописных соседей она описывать подробно не стала — совсем другая жизнь... А про татуировки: она рисовала их шариковой ручкой, иногда расцвечивая косметическими карандашами и закрепляя пудрой. Уж этого добра у неё было навалом. Она взяла с собой профессиональный набор из России, рассчитывая тут заработать макияжем и эфемерными татуировками — боди-артом... Как тогда, ещё в школе Сергея Балахнова (как раз на Литейном), где преподавала парикмахерам основы грима, попутно

отдавая свою бесстрашную рыжую голову под любые покраски и самые дикие стрижки — идеальная модель! Её и постриг Паша — любимый парикмахер из этой школы, как раз перед отъездом. А Балахнов просил Лизу по блату нарисовать ему японского дракона. Денег, разумеется, за рисунок не предлагал, а взамен предлагал «услугу» — накатать на имя Лизы бумажку, мол, работает она в Школе Самого Сергея Балахнова преподавателем. Блеск. Лиза вежливо отказалась...

А во дворце Юрьевской был тогда Петербургский филиал Европейского Университета. Она таскалась туда пешком вольным слушателем на курсы по истории искусства и современной архитектуры. Корбюзье, Жан Нувэль, Заха Хадид... И не думала, что когда-нибудь увидит все эти красоты вживую.

* * *

Теперь с Питером было покончено, ну хотя б на время (так она тогда думала). Нужно только дождаться визы. В Москву, в Москву!

Было жарко. На формальности ушло немало денег и переживаний, но всё-таки — получила! Такую зелёную шенгенскую визу... Жила у друга на окраине с котом Борисом. Смотрела фильмы. Потом поехало: Киев, Львов. Красоты украинские её не задержали. Граница! Заграница!

Дорожная

Времени оставалось не так уж много, и виза жгла карман. Во Львове долго искала остановку маршрутки, которая едет до контрольно-пропускного пункта. Вернулась на вокзал за пять минут до отъезда. Как раз нужная маршрутка!

На польскую границу желали ехать самые разные пассажиры, лиц которых она не запомнила, только монашку-католичку в сером платке, едущую дальше, в Краков.

На границе — очередь. Торговцы с баулами в клетку. Народ в клетке. Их было несколько «туристов» — блондинка Магда в дредах и Юлек загорелый. «Отсеянные» от челноков, они довольно быстро прошли пограничный контроль (поляки возвращались домой, в Варшаву), не считая пристального разглядывания её выстраданной визы, которой, наконец, дали «добро» красной квадратной печатью.

Ça y est⁵!

В поезде на Варшаву разговорились. Магда пригласила к себе домой. Ужин, ванна (никак не могла спустить воду — ох уж эта европейская сантехника!) и добрая мама. Чёрный кот Мускат привезён с французских виноградников.

Всё начиналось замечательно. Днём она была на трассе.

Ну а вы что думали? Тех денег, заработанных пейзажами, едва бы хватило на самолёт. И изначально, ещё в апреле, план был таков: ехать стопом. Спутников не нашлось. Да и это был ЕЁ путь. Только её.

По виду Польша не сильно отличалась от дома. Дома, деревья, дороги. Наконец, остановился грузовик типа ЗИЛ. Усатый папаша за рулём сносно понимал по-русски. Повёз. Заговорил. Довольно быстро начался диалог не без грязных намёков. Остановились. Сошла. Грунтовая дорога уходила влево, а ей нужно было

5 Ну вот, сделано

прямо. Как можно прямее.

Потом посадила дама: седая, с короткой стрижкой и болью в голубых глазах. Она была на дешёвой легковушке и взяла попутчицу, желая поделиться. У неё недавно умер молодой сын. Пассажирка, возможно, была его возраста... Разговаривали на смеси польско-русского. Старое поколение понимает по-русски. При въезде в городок дорогу пересекала похоронная процессия. Всё было понятно без слов. С влажными глазами дама дала ей банку сардин в томате и ещё чего-то съестного. В бутылке воды развела витамин С со вкусом апельсина.

— Держи. Береги себя! — Милая женщина.

Так и повелось: добрый водитель перемежался злым. А как сказать иначе? Мало кто понимал маленькую девушку, одетую в цвета польского флага (мама Магды тогда пошутила), желавшую пересечь вот так три страны.

И всё же «новичку» везло. Пока не приходилось ждать более 15 минут.

Остановился фургон, везущий в Германию сливки. Нестарый плотный дядька был, в общем, не груб. Вечером на стоянке заправились, закусили салатом. Молочник сказал, что надо ложиться спать. Лиза, прельстившись постоянным попутчиком до Лейпцига, было согласилась. Но диван был тесный и ложиться ей совсем не хотелось. Она подумывала поискать новых попутчиков на площадке и сказала, мол, спасибо за всё... Молочник отреагировал:

— Ну конечно! Проехала добрую часть пути, отведала ужин, а теперь вот так — спасибо, до свидания?! Ложись!

Она, нахмутив брови, сидела калачиком на полу.

Наконец, решение было принято: вон из кабины, сейчас же. Теперь уж точно — прощайте!

Не теряя ни минуты (сумерки были густо-синими), она вышла к дороге.

В дорожных хлопковых брюках, красных, чтоб было видно издали, и в простой белой блузке она никак не походила на девицу с тротуара. Смесь азарта и опасения, свободы и просьбы, куража и безвыходности положения заставляли её стоять на развилке. Там, посреди новой страны, чем дальше — тем незнакомее. Вчера уже так далеко, многое оставлено позади, и чем дальше на запад, тем больше манит красное солнце, но тут же, сменяясь тёмной пеленой, бросает вызов: «Что будет завтра?»

Завтра началось уже сейчас. Спать было некогда и негде. Чёрный мерседес она заметила ещё когда он проезжал в противоположную сторону, видимо, «паяс» кого-то. Машина остановилась напротив и стекло опустил. Цыган под сорок сказал:

— Привет! Я цыган. Вот, пасу своих девочек. Я — сутенёр.

Прямолинейный догадливый профессионал понял по её виду, что ловить тут нечего. Беседовал добродушно, по-русски. Видно, по работе знаком с её соотечественницами. Пригласил в машину.

— Нет, нет. Спасибо. Да и ехал бы ты, а то «отваживаешь» от меня водителей — подумают не то...

Как только он уехал, из-за поворота как манна небесная появился фургон. Большой палец вверх, и ребятам даже не пришлось тормозить.

Томек и Томек. Очень приятно. Молодые улыбчивые напарники. Пиво, радио. Поймали русскую волну. Так по радиосвязи договорились с шофёром встретиться на заправке Shell.

Было поздно. Русский шофёр где-то затерялся, и она пошла погреться в магазинчик. Они все одинаковые, эти придорожные на заправках магазинчики. Ночной продавец заботливо предложил чаю.

Светало. Чудом удалось поймать грузовичок, шедший в сторону немецкой границы. Ехать не так далеко. Попутчикам повезло: пассажирку везли, а водителю разговор не позволял уснуть за рулём.

Наступил новый день. Рано. А она уже была на стоянке с довольно большим выбором машин, спящих пока у границы. Нашёлся один фургон с буквами RU. Товарищ ехал в Бельгию. Эх, знать бы тогда! Но ей нужно было на юг, во Францию, к Жану...

* * *